

Выбирайтесь своей колеей

ВАМ ОТПУЩЕНО СВЫШЕ...

Ваш корреспондент беседует с артистом Театра им. Вл. Маяковского Арменом Джигарханяном.

- Армен Борисович, помните, была песенка «Первый тайм мы уже отыграли и одно лишь сумели понять»? Вам не так давно исполнилось шестьдесят. Корейцы, например, празднуют две годовщины - когда человеку исполняется год и когда ему исполняется шестьдесят лет. Наверное, потому, что уже можно подвести какую-то промежуточную черту. Что вы «сумели понять» для себя, что вам хочется получить от жизни, чем бы хотели (самым-самым сокровенным) поделиться с миром?

- Интересно вы сказали про корейцев, я не знал... Хочу оставаться живым в том смысле, что хочу откликаться, хочу быть незапрограммированным. Я хочу впускать в себя жизнь наивно, как ребенок. Говорю вам сейчас то, что думаю со всеми поправками на жизнь, на возраст, на болезни, на недуги, на понимание, на цинизм. Это все существует. Но все равно пока я существую, хочу, примитивно говоря, удивляться. И не нарочно, не делать вид, а удивляться. Потому что совершенно очевидно, что я еще многого не знаю. Я знаю очень мало. Я имею в виду не информацию, а жизнь, эмоции, природу. Я хочу слышать других людей. Это не так просто, особенно в нашей профессии, когда судьба тебя сводит с самыми различными артистами, режиссерами.

Рассказывает Марк Захаров, которого судьба столкнула с Арменом Борисовичем при работе над спектаклем «Разгром»: «Спектакль, где по сцене снуют бесконечные массовки, где все время кто-то куда-то ползет или в крайнем случае перебегает, - такой спектакль - уже некоторый повод для напряженности во взаимоотношениях между актерами и постановщиком. Но Армен сумел отнестись к моим постановочным странностям очень внимательно и принял их безоговорочно, чего нельзя было сказать поначалу о некоторых других артистах...»

- Вот у меня есть... кот, - продолжает Джигарханян, - ему восемь лет. Я на него смотрю - он почти каждый день меня удивляет: как он двигается, как принимает ласку, как он не хочет ее принимать. И если Господь Бог существует (а он существует, естественно) и если его можно о чем-то просить, то я прошу о том, чтобы я живой был. Чтобы был способен слышать и видеть новое, другое, непривычное.

- Армен Борисович, ваше желание удивляться и «быть живым» можно было бы назвать неким выводом вашей жизни?

- Да, это, пожалуй, на сегодняшний момент - вывод, итог всей моей жизни... Я долго шел к этому и иду еще. Потому что при всей простоте и ясности этой формулы - это невероятно трудно. Мы все равно ищем точки опоры, подпорки. А эти подпорки и есть феномен колеи. Очень удобно ехать в колею. Вы попали в колею зимой, кругом снег и, ах, как удобно! А оказывается, если съедешь, то там еще что-то есть. А ты боишься съехать и увидеть это что-то, потому что можно застрять.

- Эта мысль была и у Марка Захарова - в режиссуре зигзагов, и у Владимира Высоцкого - «Выбирайтесь своей колеей»...

- Но это очень трудно, я по своему делу знаю, по своей жизни знаю.

- А когда вам удавалось выпрыгнуть, прорваться «за флажки» и именно этим прорывом чего-то достичь?

- Если я сейчас буду подыскивать примеры, то это будет номер, антраша.

- И все-таки...

- Вот у меня есть студенты во ВГИКе, я с ними общаюсь и, наверное, «выпрыгиваю». Потому что приходят ребята, которые в три раза меня моложе. У них другие глаза, другие ощущения...

- Вы для них Мэтр, Лидер...

- Но самое первое, что приходит в голову - это задавить их своим авторитетом и своим знанием жизни... А потом я пытаюсь это погасить, послушать их, всмотреться в них...

Рассказывает Марк Захаров:

«Обдумывая образ Левинсона, мы много размышляли с Арменом Борисовичем, кто и в силу каких именно качеств становится лидером. Помню, как я начал с нехитрых школьных воспоминаний, почему ученики начальных классов так быстро распознают, при ком из педагогов нужно вести себя на уроках пристойно, а при ком можно делать все, что придет в голову. Все педагоги располагают одинаковыми возможностями и правами - ученики уясняют это быстро; и вот один педагог так контролирует аудиторию, что у него сидят не шелохнутся, а другой только уговаривает вести себя хорошо. На большее он не способен. Исходя из такого рода наблюдений, мы вознаместились определить применительно к «Разгрому», что есть волевой потенциал личности, что есть ее нервная заразительность, как и по каким каналам направляется она окружающим лицам.

Командир должен быть умен, но не обязательно быть ему самым умным среди других, он должен быть сильным, но не обязательно быть ему сильнее всех. Истинный командир должен что-то внушить своим подчиненным. Не уговорить их, не переспорить, не напугать, а именно внушить.

Джигарханян понимал это не умозрительно, а изнутри, изначально, так как сам являлся человеком с сильным волевым потенциалом. «Хитрости», «приемы», «методы», «стиль» играют, безусловно, известную роль в умении руководить людьми, но не саму определяющую...»

- Армен Борисович, тяжело давать в себе ощущение собственного авторитета?

- Не так просто. Потому что поначалу мне кажется: то, что

они (эти ребята) несут, - это глупо; а потом выясняется, что это другое. Совсем другое. Другой воздух. Они другую воду пьют и другую еду едят. И то, что они несут, не всегда бывает правдой, но все равно это надо слышать». В многую мудрости много печали. Тот, кто помножает познание - помножает скорбь».

Поэтому я вам и рассказывал о своем коте - у него есть познания, но это только его опыт. У него нет ничего (Армен Борисович указывает пальцем на голову), отсюда придуманного. Сформулированного. В его жизни нет «...измов». Мудрствований.

Формулирование - не моя профессия, не мое дело. Я не знаю, как что-то там называется, да это и неважно. Важно, если у меня екнуло сердце. Я знаю тогда, что я вдруг увидел. Увидел!... Я говорю вам честно. И поэтому это - единственное в моей профессии. Для меня. Единственный путь.

Я снимался один раз в жизни с великим артистом, которого звали Василий Васильевич Меркурьев в картине «Здесь рожден» и имел счастье с ним общаться. Он замечательно говорил, что наша профессия «из области запахов». Я вообще думаю, что жизнь - это из области запахов.

- В вашей жизни много трудностей? И какого порядка?

- Если трудность из области придуманного, то надо что-то в ответ придумать, потому что мой инструмент не берет эту гайку. Кратчайшее расстояние между двумя точками - прямая. Но иногда приходится идти зигзагом, чтобы дойти. К сожалению. Такова жизнь.

А когда непридуманная трудность, то я стараюсь слушать себя - как откликаются мои почки, мои нервы. И, наверное, услышав себя, я найду выход. А он, как правило, всегда лежит на поверхности. Все болезненно, я так думаю, от переосложнений. Мне кажется, что жизнь - вещь не столько сложная, сколько разнообразная. Помните песню: «Стань таким, как я хочу». Вот если я сумею, позволив куда-то почувствовать, что там, на том конце провода делается, услышать человека на той стороне, тогда возможен диалог, возможна гармония в наших взаимоотношениях. А вот если я не почувствовал, то появляются трудности, о которых мы говорим.

- А что вам больше всего в жизни приносит радость?

- Мое дело. И мой дом.

Елена КУРБАНОВА.